

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 40

Джейн, Анна.

Д 40 Красные искры света / Анна Джейн. – Москва :
Издательство АСТ, 2017. – 704 с. – (Анна Джейн.
Лучшие книги).

ISBN 978-5-17-102519-9.

Он студент, привлекательный, яркий и надменный. У него комплекс принца.

Она аспирантка, самостоятельная, решительная и гордая. У нее комплекс старшей сестры.

Два года назад они уже встречались, чтобы возненавидеть друг друга, вспомнить отголоски прошлых жизней и вновь расстаться, но в этот раз все будет иначе. Ведь им уготовлено новое испытание — обмен телами.

Смогут ли они пройти его?

Откроет ли свои тайны призрачный мир?

И что хочет от них магическая организация «Черная роза»?

Магия ближе, чем думали эти двое. И искрится, как солнечный свет на рассвете.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102519-9.

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»



Раевской Юлии –
талантливый человек талантлив во всем!

*Все герои и события вымышлены,
совпадения – чистой воды случайность.*

*Мы встретимся, когда придет время.
Твоя судьба, с самыми сердечными пожеланиями*

Ярослав сидел около большого, во всю стену, окна кафе, непривычно закинув ногу на ногу, и нервно постукивал тонкими пальцами по столу. Перед ним стояла уже вторая чашечка эспрессо – столь не любимого раньше, но едва ли не боготворимого сейчас. Уже с утра организм требовал крепкого кофе, и Яру, скрепя сердце, приходилось соглашаться. Раньше он редко пил кофе, а если и пил, то предпочитал латте. Или, на худой конец, американо.

«Лучше бы я курил, вместо того чтобы эту муть глотать», – злобно подумал он про себя, с неудовольствием поглядывая на оживленную улицу. Сквозь прорези серого глянцевого неба проглядывало солнце. Оно золотило тротуары, крыши домов и еще больше оттеняло желто-багровое убранство аккуратно подстриженных деревьев.

Красоче искры света

Погода для октября стояла на удивление спокойная и умиротворенно-теплая. Ни ветра, ни дождей, ни холодов — осень, казалось, застыла, огородила стеклянной витриной большой, раскинувшийся на берегу реки город, раскрасила его теплыми винтажными красками. Сделала сказочным.

Вместо современных зданий Ярославу вдруг почудились невысокие дома с симпатичными фасадами, покатыми крышами и яркими ставнями окон, а за домами — королевский дворец. Здесь по узким дорогам ездили кэбы и неспешно прогуливались горожане: дамы в элегантных нарядах со шляпками, а джентльмены — в котелках и непременно в перчатках и с тростями. В воздухе летали дирижабли. А у берега (вместо реки тут море, конечно же) высился гордый пароход...

Волшебный город так живо представился Ярославу, что ему вдруг даже захотелось нарисовать его, и пальцы механически попытались нащарить карандаш. Подобного наката вдохновения давно с ним не случалось, почти два года: с тех пор, как пропала Полина, пропало и желание рисовать.

Однако стоило Ярославу вспомнить слово «волшебный», как внезапный порыв вдохновения пропал. И сразу же прелесть двух городов — реального и сказочного — была забыта. А в груди вновь поселились чувства глухого раздражения и тщательно скрываемого страха.

Этого не может быть. Такого не бывает. Такое не должно происходить с людьми!

Но с ним произошло.

Кофе горчил на губах. Захотелось закурить — раньше он часто курил, когда нервничал. Но сейчас этого сделать не мог.

Ярослав Зарецкий считал себя реалистом и с детства не верил в чудеса, магию и потусторонние явления. Однако не так давно сам столкнулся с этим — лицом к лицу. Он попал в капкан волшебства. Волшебства темного, злого, грозящего бедами. Рокового.

Сначала он по привычке винил ее — Настю Мельникову, аспирантку с филологического, которая преподавала на их курсе литературу. Потом — озерную ведьму, которую они волею судьбы встречали. И даже немного — себя. А теперь винить было некого. Если только...

Ярослав с какой-то странной усмешкой покрутил на безымянном пальце серебряное простое кольцо. Он не хотел волшебства и чудес — а то, что с ними произошло, можно было назвать именно так. Он хотел прежнюю — *нормальную* — жизнь.

Эмелин Анни

Свою жизнь. Он хотел учиться, развлекаться с друзьями, ходить на свидания, хоть каждое из них не заканчивалось ничем серьезным, прокачивать любимого перса в онлайн-игре и гонять в рейды.

На какое-то мгновение Ярослав задумался — а если бы он не встретил Настю? Ничего бы не произошло? Или то, что случилось, произошло бы между ним и какой-нибудь другой девушкой?

Вдруг вспомнились Настины поцелуи — обжигающие, горячие, многообещающие... Она не была нежной и надломленной барышней с романтическими порывами, выпрашивающей ласку. Она привыкла брать и целовала требовательно и...

Ярослав запретил себе думать об этом и раздраженно отбросил назад волосы. Как же дико они мешались! Обстричь — да никак. Что сделает потом Настя, и думать не хочется.

Он намотал на палец пшенично-русую прядку, скептически оглядел ее и вздохнул. Надо же, это *его* волосы. И эта рука с тонким запястьем и выпирающей косточкой, и пальцы с аккуратно подстриженными овальными ногтями — все это тоже *его*.

Рука бессильно рухнула на стол.

Яр замер, окутанный облаком собственных тревожных мыслей. Спустя минуту его взгляд скользнул на экран мобильного телефона, лежащего на столе. Насти все никак не было. А ведь обещала уже приехать к этому времени.

Не то чтобы в крови Яра текла точность королей, но он терпеть не мог ждать, а потому вновь начал злиться. Порою Настя вообще выводила его из себя. Своим поведением, словами, даже жестами — скупыми, тщательно обдуманнами, как и почти все ее действия. Она была упрямая и наглая, мстительная. С острым язычком и холодным взглядом. Кроме того, имела лидерские качества, умела давить на нужных людей и легко находила болевые точки — Яр не раз испытывал это на себе. Да, она была симпатичной, по своему даже красивой, умной, начитанной, но стоило Мельниковой открыть рот, как они начинали спорить или ругаться. Да и чувство юмора у нее было своеобразное.

Неужели то, что произошло, — это навсегда? Или надежда на спасение все-таки есть? Иначе ему придется всю свою жизнь провести рядом с мисс Я-все-на-свете-знаю-и-лучше-всех?

Он вдруг вспомнил, как она улыбается, и как поправляет волосы, и как блестят в ее глазах фонари...

Ярослав спешно сделал несколько больших глотков остывающего эспрессо. Не нужно об этом думать. И вдруг поймал на себе взгляд парня за соседним столиком. Ухоженный брюнет

в стильной рубашке и подвернутых джинсах с интересом смотрел на него, а заметив, что Яр поймал его взгляд, улыбнулся.

Зарецкий едва не подавился кофе. Его передернуло. И, видимо, на лице отразилось такое отвращение, что брюнет непонимающе изогнул бровь.

Яр скривился, отвернулся и залпом допил горький кофе.

Да где эта дура ходит?! Почему он должен страдать?!

— Простите, — раздался рядом с ним мужской голос, — что-то не так?

Ярослав поднял недовольный взгляд и во второй раз чуть не подавился — улыбчивый брюнет подошел к нему и положил руку на столик.

Несколько вальяжный, с прищуренными карими глазами, он производил впечатление человека самоуверенного. И взгляд его был холоден и достаточно жесток, однако Яр знал, что именно на обладателей таких взглядов часто ведутся девчонки. И страдают потом.

— Честно говоря, вы мне симпатичны, и я хотел с вами познакомиться, — продолжал молодой человек. — Но вы состроили такую рожицу, что...

Яр мрачно взирал на него, сложив руки на коленях.

Таких слащавых придурков он терпеть не мог.

— ...я подумал, будто чем-то обидел вас, — продолжал брюнет бархатым голосом. — Вы очаровательны. И я...

— Отвали от меня, — перебил его Зарецкий. Внутри у него все полыхало от возмущения.

— Что, простите? — не поняли его.

— Что-что... Отвяжись, чувак, — отозвался Ярослав и засунул в рот лимонную жевательную резинку. Как же его все это раздражало!

— Чувак? — поднял бровь брюнет.

Зарецкий глянул на него, как на омерзительного таракана с парой лишних усов.

— Будь добр, от-ва-ли. Окей?

— Ну и манеры, — ухмыльнулся молодой человек, кладя руку на спинку стула, на котором сидел Ярослав. — Такая привлекательная внешность, а вот вести себя ты явно не умеешь... Хочешь, я научу тебя хорошему поведению? — вдруг наклонившись к самому уху, спросил он насмешливо.

У Зарецкого напрягся каждый мускул. И он машинально поправил вырез пуловера — слишком уж глубокий, на его взгляд. Но что поделать, если Настя оставила ему эту одежду?

Эмелин Анни

— Исчезни, — поднял тяжелый взгляд Яр.

— А то что? — рассмеялся брюнет. Кажется, такое поведение его только еще больше завлекало.

— По рылу схлопочешь, — деловито сообщил Ярослав, вставая. Однако тотчас вспомнил, что он не в том положении, и мысленно обругал и себя, и этого любвеобильного придурка, и, конечно же, Мельникову.

— Даже так? — мелькнул смех в глазах брюнета. — Занимаешься спортом?

— Бывает, — привычно ухмыльнулся Ярослав, расправляя плечи.

Этот жест несколько удивил брюнета, но отступить он не собирался, напротив, изловчился и провел пальцами по нежной коже лица. Глаза Ярослава едва ли не налились кровью.

— Р-р-руки, — предупредил он.

— Ударить меня? — кажется, это прозвучало со смехом.

— А почему бы и нет? — прошипел оскорбленный Зарецкий. — Твоя харя просит хорошего кирпича, детка.

— Несмотря на то, что у тебя нет манер, ты мне нравишься, — заявил брюнет и кинул на стол несколько крупных купюр. — Я заплачу за тебя, и идем гулять. Я, знаешь ли, привык получать желаемое.

Зарецкий побледнел от злости. Его гордость, напротив, горела красным пламенем.

Карие глаза с усмешечкой смотрели на Яра. Их обладатель прекрасно знал, что унизил человека, посмеявшегося ему перечить.

— Да пошел ты, — вдруг на удивление спокойно произнес Ярослав, вспоминая, что можно сделать в подобной ситуации, кроме как ударить. В голову пришел сериал, который с упоением смотрела мама. Решение пришло мгновенно.

Парень протянул руку к стакану с водой, которую принесли вместе с эспрессо.

— Обольешь? — иронично спросил брюнет.

Ярослав, не сводя с него глаз, сделал приличный глоток и покачал головой. А после со всей дури выплюнул воду на обидчика, сделав вид, что закашлялся.

— Ой, простите, — пропел он, мерзко улыбаясь. — Вода не в то горло попала.

Все лицо брюнета с прищуренными темными глазами было мокрым, а на модной рубашке красовались потеки.

— Да я же тебя сейчас... — медленно выговаривая каждое слово, произнес он угрожающе. Но договорить не успел.

— Что тут происходит? — раздался до боли знакомый голос, в котором сейчас звенели нотки металла.

Ярослав обернулся и увидел Настю. И даже вздохнул с облегчением. Правда, тут же сжал зубы. Эта чудесная девушка напялила невесть откуда взявшуюся футболку с принтом в виде енота.

Анастасия между тем уверенно встала между ними: как обычно смелая, волевая и жаждущая справедливости. С гордо приподнятым подбородком и совершенно холодным, отстраненным выражением лица.

Брюнет сделал шаг назад, резким движением стянул со стола салфетки и глянул на Настю оценивающе.

— Что нужно? — спросил он уже не особо приятным голосом, в котором слышалась агрессия.

— А вам что, смею спросить? — ничуть не испугалась Настя, глядя мятно-зелеными с темной каемочкой вокруг радужек глазами на незнакомца.

Роста они были одинакового. Комплекции, естественно, разной. Кажется, бесцеремонный брюнет слишком много времени проводил в качалке.

«Смотрит как змеюка», — подумал про себя Ярослав, ловя себя на мысли, что восхищается этой наглой девицей. Нет, правда, наглости ей не занимать, как и пронырливости.

— Я первый задал вопрос, — неприязнь в глазах брюнета росла в геометрической прогрессии.

— И что с того? — пожала плечами Настя, которой было все равно, кто и как на нее смотрит. — И если уж мы придерживаемся этой логики разговора, то мой вопрос был первым.

— А ты правда хочешь его задать?

— А ты правда не хочешь мне ответить?

Взгляды их скрестились как шпаги. Ситуация становилась совсем уж неприятной.

Яр скорчил недовольную рожу и потянул подругу за руку. Как-никак чувствовал за нее ответственность. Правда, сейчас из него защитник аховый, однако если нужно будет...

Зарецкий попытался загородить спиной Настю, но та легко его оттолкнула. Яр тотчас совсем не по-рыцарски затаил на нее злобу. Он ее тут защитить пытается, а она!..

— Иди куда шел, приятель, — в это время сказал с неприятной улыбочкой брюнет. — И не лезь в чужие дела.

— Это моя девушка, — сказала Настя все тем же ледяным голосом. — Притяжательное местоимение «моя» предполагает, что ее дела — мне не чужие. Еще вопросы есть?

Яр чуть не засмеялся. Да что же за абсурд! Он — ее девушка! Но еще абсурднее, что он — в ее теле.

А она — в его.

— О, вот как. Твоя девушка оскорбила меня и облила, — сказал зло брюнет, намекая, что кому-то нужно ответить за это.

— Я нечаянно. Подавилась, кха-кха, — дурным голосом заявил Ярослав под пристальным взглядом Насти.

— Можешь облить ее в ответ, — сказала девушка. — Око за око. Шучу, — все с той же интонацией добавила она. — Мы вызовем полицию.

— Что? — не понял брюнет, явно решив, что эти двое — с приветом.

— Опять шучу, — вновь произнесла Анастасия и взяла Ярослава за руку — осторожно, словно боялась сильно сжать. Другой рукой она забрала лежащие без дела на столике купюры, подумав, будто они — Яровы. — Нам пора. До свидания. Кстати, у вас крошки на губе. Быстро пошли отсюда, — прошипела она Зарецкому и потащила за собой к выходу, пока изумленный брюнет безуспешно искал крошки. — Пока он не захотел поговорить со мной «по-мужски»

— Но погоди, — вырывался тот, — ты же деньги взяла! Надо отдать! Давай вернемся!

— Я тебе вернусь! Мне с таким амбалом не справиться, Зло-радский.

— Хватит коверкать мою фамилию!

— Хватить вести себя как ребенок!

— Но, блин...

Они спешно вышли из кафе на окутанную осенней дымкой улицу и быстрым шагом направились к светофору.

Солнце мазнуло по их лицам золотом.

— И почему ты сказала, что я — твоя девушка? — сварливо спросил Зарецкий, на всякий случай оглядываясь — брюнет не бросился в погоню.

— Потому, — была скупа на слова Настя.

— Ты могла бы сказать, что сестра!

— Может быть, мне тебя дочкой стоило назвать? — повысила голос девушка в теле парня. Ярослав Зарецкий был едва ли не тем единственным человеком, кто мог довести ее до белого каления всего лишь парой фраз. Талант, ничего не скажешь!

— Лучше бы вообще молчала.

— Лучше бы не плевался в людей.

Они остановились у пешеходного перехода. Стоящая рядом девушка оглядела Настю заинтересованным взглядом. Яр заметил это, схватил Настю под руку и довольно ухмыльнулся.

— Из меня вышел бы классный парень, да? — хмыкнула Настя, когда загорелся зеленый. Она тут же поймала удивленный взгляд той самой девушки и несколько смутилась.

— Конечно. О, этот легкий флер неприятностей, что ты несешь за собой, — проговорил Ярослав ангельским голосом.

— Я несу? — переспросила Настя, сердито сдвинув брови и отцепляя Ярослава от себя. — А ничего, что это из-за тебя?

— А ничего, что ты забрала его деньги?

— Его? Я думала, твои, — отозвалась с недоумением девушка, широко шагая по зебре. Яр за ней с трудом поспеивал и еще больше злился из-за этого.

— А я говорил, что тебе думать противопоказано. Знаешь, когда люди работают в парах, кто-то из них является мозговым центром, а кто-то — исполнителем. В нашей вынужденной двойке я — голова, а ты грубая физическая сила, — с неприкрытым ехидством говорил Зарецкий, ускоряя шаг.

— Хватит нести чушь. Лучше объясни мне, что это было? — сердито спросила Настя, доставая из кармана ключи от машины. Ярослав чуть не взвыл — так хотелось ему сесть за руль своей малышки, но...

— Мерзотный тип пристал, не поняла, что ли? — огрызнулся он.

— Еще бы не пристал. Ты вырядился, как начавшая падать женщина.

— Куда падать? — не понял Яр.

— В бездну пошлости, — первой села в машину Настя. — Что за супервырез?

— Это ты лучше у себя спроси, — фыркнул раздраженно парень, спешно устраиваясь рядом на переднем сиденье. — Я сам офигел.

— Еще бы. Ведь этот вырез должен был быть на спине, — ласково потрепала его по волосам Мельникова.

— Чего?!

— Модель, знаешь ли, такая.

Яр в ужасе оглядел сиреневый пуловер с бантом, которому вместе с вырезом полагалось быть на спине, а не на груди.

И тут до него дошел весь ужас происходящего.

— Какой кошмар, — проговорил он.

— Вот именно, кошмар. Так опозорил меня, — рассерженно согласилась Настя, начавшая отъезжать со стоянки. — Хорошо еще, что никого из знакомых не встретил.

— Сама хороша! Что за футболка?!

— С енотиком. Ты ведь у меня тоже енотик.

Так, препираясь, они и уехали, не заметив, как тот самый брюнет смотрит на них из окна кафе. Кажется, он запомнил номер их машины и сам себе улыбнулся.

— Что за идиоты? — с чувством спросила зеленоглазая прозрачная девочка-подросток в топике и в джинсах, сидящая на вывеске заведения. — Когда же они наконец поймут...

Существо ярко-фиолетового цвета — этакая смесь коалы, котенка и летучей мыши, развело лапки в сторону. Мол, тоже не знаю.

— С них спрос невелик, м-да... И у магов этих одно веселье... Достали. Только чувствую, что-то будет. Зуб даю!

Дарена вздохнула и умчалась вслед за Настей и Ярославом.

За ними нужен был глаз да глаз.



2 месяца назад

Я бодро шагала по дороге, огибая лужи, наслаждаясь ласковым августовским солнцем и слушая музыку. В качестве плеера я использовала собственный телефон: новенький, с большим экраном и синим аккуратным чехлом-книжкой. Музыка и воздух, напитавшийся свежестью после грозы, дарили хорошее расположение духа, как, впрочем, и карточка в кошельке, на которую недавно перевели приличную (разумеется, для меня) сумму денег. Любимый работодатель не пожалел для меня премиальных, и зарплата вышла довольно-таки неплохой.

Еще семь лет назад я не думала, что деньги будут радовать меня. Казалось, что счастье — совсем не в них. Счастье — в свободе. Я до сих пор была уверена в этом, однако наличие денег всегда становилось залогом хорошего настроения и чувства уверенности в завтрашнем дне. Возможно, кто-то сказал бы, что я меркантильна, но, честно говоря, чужое мнение волнует меня так же сильно, как торчащие из кустов мохлястые ноги местного пьяницы, решившего прилечь в кустах парка, по которому я шагала.

Нет, я не меркантильна. Скорее расчетлива. Из-за того, что семь лет назад мне пришлось уйти из семьи, я поняла, что такое нужда. Поэтому я и научилась вести счет деньгам. Впрочем, называть семьей людей, с которыми я была вынуждена жить, язык не поворачивался.

Это была классическая семья Золушки, которая так и не поверила в сказку. И, не дожидаясь принца, покинула отчий дом.

Эмелин Анна

Отец с самого детства был холоден со мной и не замечал меня. Мачеха, которой по документам я приходилась родной дочерью, терпеть меня не могла. А сестры просто ненавидели. Они редко обижали меня в открытую, потому как с самого детства я могла дать отпор в силу характера, но исподтишка пако-стили и постоянно жаловались родителям.

Остальные родственники, коих в клане Реутовых было не-мало, не интересовались мной — знали, что я — подкидыш, дочь любовницы отца, которая ушла в мир иной, когда я только ро-дилась. Исключение составляли моя няня и мой двоюродный брат Юрка, ведущий сейчас разгульную студенческую жизнь в Лос-Анджелесе.

Я бы тоже могла учиться в Лос-Анджелесе. Или в Лондоне. Или в Лиссабоне. Где захочу. Впрочем, какое-то время я и учи-лась за границей, чему мачеха была безумно рада, но потом отец велел возвращаться назад. Какое-то время я училась в гимназии и нашла первую в жизни подругу — Дашу. А потом отец перевел меня в частную школу для детей очень и очень обеспеченных родителей.

Да, мой отец — очень богат. Этаким, как иронично говорила тетушка Ирина, олигарх местного значения, привыкший, прав-да, скромно именовать себя бизнесменом. Ни отец, ни его род-ной брат не любили выставлять свои настоящие доходы на пу-блику. «Это слишком нервирует людей», — говорил с усмешкой дядя Тимофей. «А еще больше — родственников. Из родствен-ников получают самые страшные конкуренты», — добавлял отец, и они понимающе переглядывались, улыбаясь.

Однажды эту фразу услышала моя мачеха Рита и вдруг так посмотрела на меня, что я, на тот момент пятнадцатилетняя соплячка, поняла: я не только вечное напоминание об измене мужа, но и будущая соперница ее дочерей в борьбе за наслед-ство отца. «Да пусть подавится! Мне ничего не нужно», — по-думало тогда с возмущением мое светлое начало, и глаза мои гневно блеснули. Но вот темное вдруг криво улыбнулось.

Рита не умела читать по глазам — ей хватило улыбки. С тех пор мне казалось, что она возненавидела меня еще больше.

В выпускном классе прессинг со стороны семьи был такой силы, что мне казалось — я вот-вот сломаюсь. Мне всячески давали понять, что я — никто. Что я должна во всем им под-чиняться и быть благодарна за то, что меня, подкидыша, вы-растили да еще и потратили на мою персону много денег. По-следней каплей стали слова отца, который после Нового года

вызвал меня к себе в кабинет и, забыв — или не захотев? — поздравить с праздником, сказал скупо: «Я нашел место, куда ты поступишь». И пододвинул двумя пальцами несколько брошюр с названием и изображением известного европейского высшего учебного заведения. Отец хотел, чтобы я изучала экономику. «Вернешься и сможешь работать на семью», — добавил он, давая понять, что аудиенция окончена.

Я молча взяла брошюрки и только в коридоре позволила себе скомкать их, трясаясь от бессильной злобы. Я ненавидела, когда меня заставляли что-либо делать, но мне приходилось жить, играя по тем правилам, которые диктовали отец и мачеха. А ведь у меня была мечта. Настоящая мечта. Может быть, глупая, может быть, стоящая...

Мечта стать настоящим журналистом.

Не репортером, который гоняется за сенсациями, не папарацци, караулящим звезд сутками напролет и даже не известным ведущим новостей, который читает уже кем-то написанный текст по телесуфлеру.

Я мечтала быть *настоящим* журналистом. Тем, который докапывается до самой истины, не искажая факты и отбрасывая прочь шелуху. Тем, который сможет донести до читателей правду. Тем, который сможет помочь — не всему миру, но хоть кому-то.

Мои представления о журналистике были идеализированы, я тогда многого не понимала, не разбиралась во всей этой кухне, однако уже тогда «ориентирами» будущей карьеры считала Анну Политковскую и Инессу Дейберт, и их журналистские расследования. После разбора громкого дела в именной передаче последней я точно поняла, что хочу быть журналистом и точка.

И тогда я решила. Вместо того чтобы поступить так, как велел отец, сбежала из дома после выпускных экзаменов. Честно говоря, мне повезло. Моя тетка — жена Тимофея, довольно экстравагантная женщина, поняв, что я хочу сбежать, предложила свою помощь. Она помогла мне сделать документы, и из Анастасии Алексеевны Реутовой я превратилась в Анастасию Владимировну Мельникову. Однако сделала она это не из благих побуждений, а, скорее, назло отцу.

С новыми документами я мечтала начать новую жизнь и поехала в Северную столицу, которая была мила моему сердцу уже много лет. Однако, несмотря на блестящие баллы за экзамены, я... не поступила. Уже потом, в последний день, меня, ошарашенную, взял под локоток невысокий, пожилой, с благородными залысинами дядечка из приемной комиссии, отвел в сторонку и сказал

Эмелин Анни

загадочное: «Анастасия, мы были не в силах противостоять. Приказ сверху. Вы, должно быть, кому-то перешли дорожку. Приезжайте в следующем году. Или в родном городе попробуйте»

Да, я перешла дорожку собственному отцу, который то ли глумился надо мной, показывая свою власть, то ли не хотел, чтобы я жила так далеко от него. Как бы то ни было, я поступила в государственный университет родного города, но не на журфак, а на филологический, хотя так и не оставила свою мечту стать журналистом.

Именно тогда я и познала истинную ценность денег, которая заставила меня относиться к ним бережно и аккуратно. Стипендии отчаянно не хватало ни на что, учеба отнимала много времени, и устроиться на полный рабочий день я не могла, перебиваясь подработками. Наверное, мне пришлось бы совсем худо, если бы вдруг на карточку, с которой я снимала стипендию, не стали приходить деньги от неизвестного Длинноногого дядюшки... Сначала я боялась брать эти деньги, но затем, плюнув на гордость, сняла их — нужда оказалась сильнее гордости. Спустя некоторое время я узнала, что деньги присылала мне моя крестная — Матильда, подруга мамы. Мы познакомились. Она понемногу рассказывала о матери, помогала материально, но мы держали это в тайне ото всех. Матильда боялась, что отец, узнав об этом, не разрешит нам больше видеться.

Все, что было связано с моей мамой, отец ненавидел.

До встречи с крестной я даже не знала, как звали маму, как она выглядела и какой была. Матильда не только рассказала мне о матери, но и отвезла меня в другой город, на кладбище, на котором та нашла последнее пристанище, и я долго пробыла в том промозглом месте, среди молчаливых крестов, не чувствуя ледяного дыхания ветра, трепавшего прекрасные багряные бутоны роз, что я принесла с собой. После этой поездки я ужасно заболела и провела две недели дома — на квартире, которую снимала вместе со своим другом Даном. Наверное, кому-то покажется странным, что я жила вместе с парнем в одной квартире, и те, кто знают цену дружбе между мужчинами и женщинами, криво улыбнутся, но мы с Даниилом действительно были всего лишь друзьями. Дело в том, что ему нравились парни. Кроме того, Дан был прекрасным визажистом и парикмахером, который ради карьеры бросил учебу, обзавелся шикарной клиентурой и теперь получает куда больше денег, чем его однокурсники с факультета менеджмента. Мы до сих пор живем вместе — пятый год. Только теперь уже не в съемном жилье.

Да-да, случилось чудо, и я стала обладательницей своей собственной двухкомнатной квартиры!

Нет, я не получила ее от богатого отца, с которым, к слову, больше так и не виделась, и не взяла ипотеку. Я ее выиграла. В лотерею.

Серьезно. Я ее выиграла, случайно купив лотерейный билетик.

Сколько он стоил? Сто рублей? Кажется, так. Именно такой была цена квартиры, хозяйкой которой я стала.

Новый район, стройные ряды бело-оранжевых башен-высоток с огромными лоджиями и прекрасным видом на реку, благоустроенные дворы и камеры под козырьком каждого из подъездов — я и подумать не могла, что мне достанется такое счастье! А ведь на самом деле билетик я купила не совсем случайно. Тогда, холодной зимой, почти два года назад, в нашей с Даниилом съемной квартире каким-то невероятным образом появилась странная немая девушка, которой Дан дал одежду и вызвал такси. После к нам заявила ее тетка — богато одетая женщина в мехах. Она вела себя крайне экстравагантно, вручила мне свою визитку, заявив, что теперь она — моя должница, а после посоветовала мне купить лотерейный билетик, а Дану заявила, что тот выиграет в конкурсе визажистов.

Все случилось так, как она и сказала. Даня стал победителем, а я — хозяйкой квартиры. Правда, мебели у нас было не слишком много — я обживалась потихоньку, как позволяли средства, зато чувствовала себя уверенно, зная, что у меня есть свой дом и никто не выгонит меня на улицу.

Все постепенно налаживалось. Голодные, наполненные страхом бесконечные дни первого курса канули в небытие. И теперь я училась в аспирантуре — на этом настояла крестная, преподавала на младших курсах других специальностей литературу и писала диссертацию по немецкому романтизму. Не скажу, что это было мое любимое направление, однако я была отлично знакома с немецким языком, а потому без труда читала немецких авторов в оригинале и даже переводила. Журналистикой я, впрочем, тоже занималась — была внештатным пока еще сотрудником одной известной городской газеты, а также писала статьи для нескольких интернет-порталов и изредка делала переводы.

Единственное, с чем у меня были проблемы, так это с личной жизнью. Отношения ни с кем не складывались, и дальше пары свиданий дело не заходило. Одно время мне нравился

Эмелин Анни